

Научная статья

УДК 316.356.2:2

ББК 60.561.5

Ш 31

doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-122-133

**РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМЕЙНО-
БРАЧНОЙ СФЕРЕ: ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

(Рецензирована)

**Мадина Магомедкамиловна Шахбанова¹,
Мадина Багавутдиновна Гимбатова²**

^{1,2} *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия*

¹ *madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>*

² *gimbatova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>*

Аннотация. Происходящие в институте семьи изменения исследователями характеризуются как кризисные, а наблюдающиеся деструктивные процессы - противоречивые. Объектом данного исследования является семейно-брачная сфера народов Дагестана. Предметом исследования выступает межрелигиозный брачный союз и брачное поведение дагестанских народов. Хронологические рамки исследования охватывают XIX – начало XXI вв., и этот исторический период позволит проследить эволюцию отношения к межрелигиозным бракам, от их полного неприятия до толерантного отношения к ним. Методологической основой этносоциологического исследования является принцип исторической реконструкции, историко-сравнительный и историко-типологический методы, шкала социальной дистанцированности Богардуса, которая показывает существующие в массовом сознании городского населения республики установки в различных сферах социального взаимодействия. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что в традиционном дагестанском обществе отношение к межрелигиозным бракам, в силу высокой исламизации общества, было отрицательным. С присоединением Дагестана к России заключение межрелигиозных браков становится возможным при условии принятия ислама одного из брачующихся, при соблюдении шариатских брачных норм и обрядов. С увеличением доли русского населения в Дагестане со второй половины XX в. отношение к межрелигиозным бракам изменилось, шариатские нормы при заключении брака, в связи с советизацией дагестанского общества, не всегда соблюдались. Исследование показало, что опрошенное городское население ориентировано на взаимодействие в различных социальных сферах, за исключением семейно-брачной, ибо для респондентов ключевым параметром при вступлении в брачный союз выступает вероисповедание будущего супруга (супруги). Однако эмпирические данные показывают, что в массовом сознании горожан существует толерантное отношение к межрелигиозному браку своих детей, в сравнении с собственными брачными установками. Исследование выявило наличие существенных отличий по типу религиозности: наиболее консервативна подгруппа, самоидентифицирующаяся как убежденно верующие, впрочем, как и верующие, хотя процентные

показатели заметно ниже, по сравнению с подмассивами колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих.

Ключевые слова: ислам, религиозные предписания, семейно-брачная сфера, институт семьи, брачный союз, городское пространство, горожане.

Для цитирования: Религиозный компонент в семейно-брачной сфере: этносоциологическое исследование / М.М. Шахбанова, М.Б. Гимбатова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2 (279). С.122-133 doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-122-133

Original Research Paper

RELIGIOUS COMPONENT IN THE MARITAL SPHERE: ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH

Madina M. Shakhbanova¹,

Madina B. Gimbatova²

^{1,2} *Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia*

¹ *madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>*

² *gimbatova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>*

Abstract. Researchers describe changes taking place in the institute of the family as crisis, and the observed destructive processes as contradictory. The object of this study is the marital sphere of the peoples of Dagestan. The subject of the study is the interreligious marriage union and the marriage behavior of the Dagestan peoples. The chronological framework of the study covers the 19th - early 21st centuries and this historical period will allow us to trace the evolution of attitudes towards interreligious marriages, from their complete rejection to tolerant attitude towards them. The methodological basis of ethnosociological research is the principle of historical reconstruction, historical, comparative and historical-typological methods, and the Bogardus social distance scale, which shows the attitudes existing in the mass consciousness of the urban population of the republic in various areas of social interaction. The obtained results of the study indicate that in traditional Dagestan society, the attitude towards interreligious marriages, due to the high Islamization of society, was negative. With the accession of Dagestan to Russia, the conclusion of interreligious marriages becomes possible provided one of the spouses accepts Islam, subject to sharia marriage norms and rites. With an increase in the share of the Russian population in Dagestan from the second half of the twentieth century, the attitude to interreligious marriages has changed, sharia norms in marriage, in connection with the Sovietization of Dagestan society, have not always been respected. The study shows that the urban population surveyed is focused on interaction in various social spheres, with the exception of marital, because for respondents the religion of the future spouse is the key parameter when joining a marriage union. However, empirical data show that in the mass consciousness of citizens there is a tolerant attitude towards the interreligious marriage of their children, in comparison with their own marital attitudes. The study has revealed significant differences in the type of religiosity: the most conservative subgroup is self-identifying as “staunchly believers,” and “believers”, although the percentages are noticeably lower, compared with the sub-masses of fluctuating, unbelieving and staunchly unbelievers.

Keywords: Islam, religious precepts, marital sphere, family institution, marriage union, urban space, citizens

For citation: Religious component in the marital sphere: ethnosociological research/M.M.Shakhbanova, M.B.Gimbatova//Bulletin of Adyghe State University. Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies”. 2021. 2 (279). P.122-133 (in Russian) doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-121-133

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования.

Исторические и этнографические материалы свидетельствуют, что в дореволюционном Дагестане преобладали эндогамные внутритухумные браки, т.е. ортокузенные брачные союзы между двоюродными, троюродными и т.д. братьями и сестрами, в основе которых, как правило, лежали экономические интересы общества – стремление сохранить земельный фонд, рабочие руки и другое имущество, которые были собственностью конкретно взятого тухума (джамаата). При этом наряду с эндогамией существовали экзогамные браки, которые запрещали брачный союз между родственниками до седьмого поколения.

Брачные союзы (эндогамные и экзогамные), как правило, заключались внутри аула. В браки с представителями соседних обществ, а тем более другой национальности, вступали редко. Препятствовали этому и нормы обычного права (адаты), согласно которым нарушители обязаны были выплатить штраф. Так, в адатах Келебских селений сказано: «Если женщина вышла замуж за пределами Келебской территории с согласия ее опекуна, то с опекуна и с нее взыскивается штраф в размере пахотного участка...» [1; 99]. Существовал запрет не только на заключение брачного союза с членом другого общества, но и на ухаживания за представительницами Келебского общества. В случае нарушения данного запрета к ухажеру могли применить и физическую силу, при этом денежное наказание не предусматривалось. Аналогичное отношение можно встретить в адатах с. Харахи Аварского округа: «Если женщина выходила замуж за кого-нибудь из другого аула, то она или

ее семья должны были уплатить десять рублей, а если мужчина женился на женщине из другой деревни, то платил телкой двух лет» [1; 110]. Денежный штраф предусматривался также в том случае, если чья-либо дочь выходила замуж в другое селение. Например, такое правило существовало и для населения с. Сиух Хунзахского района. Однако в силу объективных причин допускались и отступления от общепринятых правил. Примером может послужить случай, имевший место быть в вышеупомянутом селении. В одной семье было 6 дочерей. Из-за их бедности никто их не брал замуж, и тогда отец обратился к джамаату во время молитвы в мечети с просьбой разрешить ему выдавать дочерей замуж в другое селение. Так он получил разрешение на брак дочерей с выходцами из других аулов [2; 148].

Табуирование брака между представителями разных обществ можно встретить и в Южном Дагестане: если житель этого региона «брал себе в жены одну из ахтынских девиц, то сверх исполнения всех условий шариата и адата, касавшихся брака, еще должен был вносить 3 руб. или вещей на эту сумму в пользу того сельского магала, к которому принадлежала невеста» [3; 26]. Такая форма подати получила название «барху» и имела место в обществе Мискинджа. Здесь за невесту давали быка [3; 26]. В Табасаране барху платили феодалу, за девушку выплачивали 10 руб., за вдовицу – 5 руб. [4; 111].

До присоединения Дагестана к России редко заключались не только межобщинные, но и межнациональные браки. Существенным препятствием для их заключения были этническая и территориальная обособленность, приводившая

к языковым и культурным различиям. Несмотря на все отличия, национально-смешанные браки имели место особенно в феодальной среде. Представители дагестанской знати стремились через межнациональные браки с местными, закавказскими и северокавказскими феодальными владельцами усилить и расширить свое политическое влияние в регионе. Межэтнические браки встречались и в других слоях дагестанского общества, особенно у народов, проживающих в этноконтактных зонах. В Южном Дагестане вступали в браки между собой относительно чаще, чем с представителями других народов, лезгинцы, табасаранцы и азербайджанцы. В Северном Дагестане встречались браки между аварцами, даргинцами и кумыками, у кумыков с. Аксай – с чеченками, у эндиреевских кумыков – с аварками и т.д.

Серьезным препятствием при заключении гетерогенных браков в Дагестане выступал религиозный фактор, в данном контексте – исламское вероучение. Межконфессиональные браки из-за религиозных запретов были явлением крайне редким, но ситуация несколько изменилась после присоединения Дагестана к России. С этого времени известны случаи заключения кебинного брака, как горцев с русскими женщинами, так и русских с горянками. Так, генерал А.П. Ермолов в период управления Кавказом был трижды женат, с соблюдением шариатских норм брака, на кумычках: Тотай из с. Какашура, Суйдух из с. Тарки, Султанум из с. Буглен. От них у него родилось пятеро сыновей – Бахтияр (Виктор), Омар (Клавдий), Аллахяр (Северьян), Исфендияр и Петр (оба умерли в младенчестве), и дочь Сатиат (София). Первые две жены – Суйдух и Тотай, так и не приняв христианство, уехали к родителям и не вернулись к мужу. На родине они повторно вышли замуж, но уже за местных жителей [5; 156]. При разводе сыновья остались жить с отцом,

а дочь Сатиат осталась с матерью Тотай. Ежегодно Ермолов выплачивал дочери 500 рублей, а бывшей жене – 300 рублей [5; 156].

Известны и другие факты женитьбы русских офицеров на дагестанских женщинах, и прежде всего – горожанках Темир-Хан-Шуры. «Я был свидетелем, – пишет П. Пржецлавский, находившийся долгое время в Дагестане на военной службе и хорошо знавший быт местных жителей, – как к одному мне хорошо знакомому русскому офицеру сбежала девочка лет пятнадцати... Большая часть родителей с готовностью выдают дочерей за русских офицеров, лишь бы только ими с точностью был исполнен свадебный обряд (т.е. с соблюдением женихом шариатских норм брака – М.Ш., М.Г.)» [6; 290]. По мнению авторов, масштабы распространенности межрелигиозных браков в дореволюционном Дагестане П. Пржецлавским явно преувеличены, хотя они имели место быть.

Для иллюстрации приведем еще один пример – воспоминания Абдурахмана Магомедова (1878 г. рожд.) из с. Нижнее Казанище: «Внук шамхала Тарковского Абу-Муслима – Джамалутдин, – говорит он, – жил в с. Нижнее Казанище, и не помню, по какому случаю устроил бал (той), куда по приглашению приехали и русские офицеры из г. Темир-Хан-Шуры. На бал были приглашены (через аульных аксакалов) и самые красивые девушки села. Русские офицеры, как и наши аульчане, танцевали с ними лезгинку, слушали их пение, игры на гармошке. Им очень понравились эти девушки. Двое из офицеров (фамилия одного, помню, была Мищенко, другого забыл) изъявили желание жениться на Издек и Патимат. Через покровительство и посредничество высокопоставленных лиц это им удалось осуществить и получить согласие, правда, с большим трудом, от родни этих девушек. Патимат даже уехала с мужем далеко, она имела двух сыновей. Но после смерти мужа она вернулась,

оставив в России сыновей, и умерла здесь. Я слышал, что генерал Михаил Кропоткин как будто бы говорил, что его мать тоже была казанищенская женщина» [7; 157].

Весьма редко, но случалось и самовольное бегство горянок с русскими, последствия такого шага были трагическими: их преследовали и, как правило, убивали. Кроме того, девушка, нарушившая таким образом обычай, навсегда порывала связи с семьей, родственниками. При заключении брака между мусульманкой и христианином последний должен был принять ислам и соблюдать мусульманские обряды. В истории Дагестана известны случаи, когда русские солдаты, попав в плен во время Кавказской войны, принимали ислам, женились на местных девушках и оставались жить в горах.

Браки внутри одной национальности, и более того - внутри одного селения, продолжали заключаться и в первые годы установления советской власти. Но в результате строительства нового социалистического общества, в обстановке тесного межнационального общения и возникновения права выбора брачного партнера, формировались современные взгляды на брак и семью, способствовавшие росту межэтнических браков. Особенно это наблюдается с середины XX века, с началом притока в Дагестан русского населения. Иными словами, можно утверждать, что относительно взрослый слой вступающих в брак с иноверцем (иноверкой) делали это вполне обдуманно и осознанно. Нередки были случаи, когда дагестанские парни после прохождения службы в рядах Советской Армии привозили в Дагестан русских девушек в качестве невест [8; 60]. Однако в общественном сознании в отношении семейно-брачной сферы не утратили своего значения этнокультурные установки, и они по-прежнему востребованы: «У народов мусульманской культуры при добром расположении

к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки» [9; 45].

Таким образом, анализ исследований семейно-брачной сферы констатирует, что российские исследователи в целом и дагестанские этнографы в частности внесли заметный вклад в изучение семейно-брачной сферы, гендерной специфики, ролевого поведения супругов, ее специфики в различные исторические периоды, института дагестанской семьи в целом. Однако научный интерес представляло и по-прежнему не теряет своей актуальности, особенно на фоне происходящих в институте семьи трансформационных процессов [10], установление роли, места и значимости религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов, потому что исследователи поверхностно затрагивали данный аспект, что обусловило его фрагментарность [11]. Поэтому цель данного исследования заключается в анализе религиозного, в данном контексте - исламского фактора, в семейно-брачной сфере городского населения Дагестана, выявлении существующей в массовом сознании горожан установки в отношении межрелигиозного брачного союза.

Методика исследования. Эмпирическую базу статьи составляют социологические исследования, проведенные в 2014 и 2020 гг. в рамках изучения религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Опрос проведен методом случайного отбора в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт Республики Дагестан. В 2014 г. было опрошено 704 чел., в 2020 г. - 563 чел.

Обсуждение результатов исследования.

В настоящее время мы являемся свидетелями широкого проникновения в общественное сознание либерально-демократических идей, которые, на первый взгляд, оцениваются

как прогрессивное явление, однако при глубоком исследовании констатируют происходящие в российском социуме деструктивные процессы. Иными словами, наблюдаемый сценарий общественного развития, его динамика и т.д., наряду с позитивным вектором, сопровождается и негативными тенденциями, поэтому исследование различных социальных сфер представляет научную значимость, ибо, во-первых, показывает происходящие в них трансформации, во-вторых, позволяет прогнозировать дальнейшее развитие.

Методологическим подходом в исследовании этничности является шкала социальной дистанции Р. Парка и Э. Богардуса, которая позволяет измерить степень консолидации и деkonsолидации общности, важность национальной принадлежности в разных социальных сферах [12; 22]. С ее применением диагностируется степень социально-психологической ориентации и восприятия людьми друг друга. Ключевым в данной шкале является определение дистанции, которую обозначают индивиды в процессе межличностного взаимодействия, исходя из этнорасовых, гендерных, этноконфессиональных и иных параметров.

По мнению авторов, важную роль в формировании межнациональной и межрелигиозной толерантности, сохранении стабильности в обществе выполняют существующие в массовом сознании населения установки на межличностное взаимодействие в разных социальных сферах. В рамках изучения религиозности, религиозной идентичности и ритуального поведения внимание было уделено установлению значимости признака «вероисповедание» в процессе коммуникации в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве (см. табл. № 1).

Как известно, при контактировании с представителями иного вероисповедания и получении какой-либо информации человеку свойственно проводить аналогию с собой,

собственными религиозными и мировоззренческими взглядами, даже если данные знания не имеют для него какого-либо значения. Если обратиться к эмпирическим данным, то они показывают существование в массовом сознании городского населения индифферентности при одновременно положительном настрое к носителю иного вероисповедания.

Положительное восприятие межличностного контакта респонденты демонстрируют практически во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной. Если посмотреть результаты исследования по типу религиозности, то в подгруппе неверующих, в сравнении с убежденно неверующими, больше подчеркивающих значимость вероисповедания при возможном появлении родственных связей с носителями другого вероисповедания, причем как собственных, так и своих детей. Можно сказать, что исторически существовавший консерватизм в отношении заключения межрелигиозного брака по-прежнему играет заметную роль в массовом сознании дагестанских народов независимо от места проживания – село/город. Соответственно, полученные результаты социологического опроса позволяют сделать вывод об ориентированности опрошенного городского населения республики на поддержание межличностных и деловых контактов, более того, можно говорить о существовании в их массовом сознании толерантных установок при одновременном присутствии невосприимчивости межрелигиозного брака. При этом обращает на себя внимание сохранение в разрезе религиозной принадлежности вышеназванных тенденций в основном в позициях убежденно верующих и верующих, в сравнении с подмассивами, которые самоидентифицируются как колеблющиеся, неверующие и убежденно неверующие. Кроме того, данные исследования показывают существование различий в отношении межрелигиозного брачного союза в

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Имеет ли для Вас значение вероисповедание человека при выборе...?» (% , вторая цифра – данные опроса 2014 г.)

Варианты ответов // Отношение к религии		Убедленно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убедленно неверующий	Всего:
Будущего супруга (-и)	Да	84,4	65,7	23,3	36,8	11,1	66,5 /69,7
	Нет	9,8	24,4	51,2	21,1	61,1	22,1 /22,9
Супруга (-и) Ваших детей	Да	82,7	62,5	30,1	21,3	11,12	64,7 /65,9
	Нет	10,6	23,8	46,9	21,4	66,9	21,7 /23,8
Коллеги по работе	Да	21,1	6,7	7,1	5,4	0	11,5 /12,7
	Нет	68,4	75,7	67,5	36,9	72,4	70,7/74,6
Друзей	Да	36,3	16,5	9,1	5,2	11,2	22,6/21,1
	Нет	54,0	68,1	65,2	36,9	61,3	61,6/ 64,8
Места жительства	Да	34,7	15,2	16,4	5,4	5,9	21,6/20,8
	Нет	54,9	68,1	62,7	36,6	72,1	61,7 /64,9
Непосредственного начальника	Да	24,1	8,6	4,9	0	0	13,7/14,6
	Нет	65,1	73,3	67,3	36,6	83,1	69,4 /71,1
Соседа по дому, квартире	Да	27,8	14,0	11,6	5,3	16,7	18,7 /17,4
	Нет	62,0	70,8	65,1	36,8	72,2	66,0 /69,1

разреze гендерной принадлежности опрошенных горожан.

На международном форуме «Ислам и иудаизм: пути диалога и сотрудничества» (Москва, 2006) председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин отметил, что «в Коране, который является законом для мусульман, выделены «люди Писания» – иудеи и христиане – и предписана веротерпимость по отношению к ним. Это ярко проявляется, в частности, в том, что мусульманам по-звояется вступать в брак с представителями этих вероисповеданий, которые вправе и в браке исповедовать свою веру» [13; 45]. В реальной жизни в общественном сознании имеется заметное отличие при оценке брачного союза с иноверцем по гендерной принадлежности. Данное утверждение подтверждается недавно принятой Духовным управлением мусульман России фетвой, согласно которой «заклучение мусульманских обрядов бракосочетания (никях) с представительницами

людей Писания на территории РФ недопустимы и возможны лишь в определенных единичных случаях по решению местного муфтия, который рассматривает и принимает во внимание все обстоятельства данного конкретного случая» [14]. Принятие фетвы, которая жестко очерчивает границы семейно-брачной сферы последователей ислама, вызвало большой резонанс в обществе. Более того, развернулась бурная дискуссия о недопустимости такого решения. Так, А. Журавский называет позицию Совета муфтиев охранительной, обусловленной угрозой эрозии идентичности: «Там, где верующие какой-либо религии представляют меньшинство, хотя и очень значительное меньшинство, как мусульмане в России, такая озабоченность весьма объяснима... мир, несмотря на «фундаменталистские откаты», движется в сторону светских обществ, где право жить в межрелигиозных или межконфессиональных семьях в силу факта

становятся все более частым» [15]. Таким образом, в массовом сознании подавляющей части опрошенного городского населения Дагестана существует высокий уровень толерантности к представителям другой религиозной принадлежности и их ориентированность на поддержание коммуникации с ними практически во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной. Только подгруппы колеблющихся и убежденно неверующих подчеркивают, что вероисповедание будущего брачного партнера для них не имеет какого-либо значения, поэтому они готовы принять последователя неисламского учения в ближний радиус коммуникации. А принятие религиозного решения о нежелательности межрелигиозного брачного союза, по мнению авторов, свидетельствует о стремлении религиозного духовенства четко обозначить контрастность «мы - они», в основе которой лежит различие

по религиозной принадлежности. В этой связи возникают вопросы: «Как соотносится данная фетва с базовыми положениями Корана, в котором допускается заключение брака с иноверцем?», «Не является ли это отказом следовать базовым положениям священного текста?», «А как быть с теми, кто находится в браке с последователем иного вероучения?». Разумеется, дать однозначный ответ на эти вопросы не представляется возможным по ряду причин, среди которых сложно определить, что является доминантой в семейно-брачной сфере в настоящее время.

Далее в социологическом исследовании респондентам был задан «контрольный вопрос», позволяющий глубже изучить существующее в массовом сознании горожан отношение к смешанному в данном контексте браку - брачный союз между последователями разных вероисповеданий (см. табл. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к брачному союзу с иноверцем (иноверкой)?» (%)

Варианты ответов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Отношение к религии			
Убежденно верующий	25,7 /25,4	54,5 /54,8	16,7/15,3
Верующий	31,6 /32,8	42,7/43,5	22,3/19,2
Колеблющийся	41,7/51,4	18,7 /33,1	20,7/10,4
Неверующий	36,6 /61,7	26,4/19,1	31,7/14,4
Убежденно неверующий	50,1 /66,6	33,2 /33,4	5,7 /0
Возраст			
0-19 лет	28,2	44,4	24,8
20-29 лет	35,1	45,1	16,6
30-39 лет	20,5	51,5	21,6
40-49 лет	32,6	44,7	18,3
50-59 лет	43,4	31,1	14,5
60 лет и выше	40,1	33,1	16,6
Образование			
Базовое среднее	41,5	33,1	22,4
Среднее	33,4	45,5	17,1
Среднее специальное	26,3	42,6	23,6
Высшее	31,4	46,3	19,9
Гендерная принадлежность			
Мужской	43,0	31,3	21,3
Женский	22,6	53,5	19,0
Всего:	31,1/31,5	44,5/46,4	20,1/17,4

Результаты исследования демонстрируют доминирование, причем с заметным отрывом, в массовом сознании опрошенных горожан отрицательного отношения к брачному союзу с иноверцами. Внимания заслуживают позиции подмассивов, толерантно рассматривающих межрелигиозный брак, и доля придерживающихся такой точки зрения повышается с возрастом, образовательным статусом и отношением к вероучению (тип религиозности). Если мнение колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих вполне объяснимо, то иначе выглядит подгруппа верующих, где каждый третий опрошенный ориентирован на принятие носителя иной религии в ближний радиус взаимодействия. Результаты опроса по гендерному признаку свидетельствуют о том, что в мужской подгруппе, в сравнении с женщинами, почти в 2 раза больше доля позитивно оценивающих возможность заключения брачного союза с представителем иной религии. При этом, по сравнению с другими социально-демографическими подгруппами, можно отметить существование отрицательного отношения к межрелигиозному браку в массовом сознании самоидентифицирующихся как убежденно верующие, в возрастной когорте «30-39 лет», а также среди женщин. Далее аналитика эмпирических данных по годам (2014 и 2020 гг.) показывает, что в массовом сознании горожан за прошедший период заметных изменений не произошло, и они по-прежнему не воспринимают межрелигиозный брачный союз.

С целью глубокого изучения существующих в общественном сознании городского населения позиций в отношении межрелигиозного брака был осуществлен анализ сопряженности определенных позиций по следующим вопросам: «Какое значение имеет вероисповедание человека при выборе будущего супруга (супруги)/супруга (супруги) Ваших детей?» и

«Как Вы относитесь к брачному союзу с иноверцем (иноверкой)?». Полученные эмпирические данные показывают, что опрошенные при обозначении важности религиозной принадлежности положительно относятся к заключению межрелигиозного брака (21,2%), но при этом почти в 3 раза больше доля тех, кому важна религиозная принадлежность будущего брачного партнера (57,7%), поэтому они не готовы принять иноверца в родственный круг. Далее респонденты, для которых религиозный компонент не имеет значения в семейно-брачной сфере, толерантны в отношении вступления в брак носителей разных вероучений (60,6%). Таким образом, сравнение результатов двух вопросов показывает, что городское население последовательно в своих позициях в отношении межрелигиозного брака: они не готовы принять носителя иного вероисповедания в ближний круг окружения, следовательно, не ориентированы на поддержание родственных взаимоотношений с представителями другой религиозной принадлежности.

Заключение.

Проблема социальной дистанцированности, ее выраженность и сферы проявления актуальны в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве. Изучение специфики социальной дистанции в городском пространстве показывает ориентированность подавляющей части горожан на поддержание межличностной коммуникации и позитивное восприятие совместного проживания, деловых и дружеских контактов, полирелигиозности социума, места проживания. Однако порой реалии заметно отличаются от декларируемого поведения и имеющихся установок в социальном пространстве. Осуществленный этносоциологический анализ отношения дагестанского населения, в разрезе городского населения, показывает, что респонденты независимо от территории проживания

(сельская или городская местность) в целом не принимают межрелигиозный брачный союз. Более того, за прошедший длительный исторический период заметных изменений в брачном поведении дагестанского населения не наблюдается, они по-прежнему демонстрируют консерватизм в отношении семейно-брачной сферы, жестко очерчивают границы института семьи.

Исследование выявило наличие в общественном сознании опрошенных горожан социальной дистанции в институте брака при одновременно позитивном восприятии иноверца в иных областях: больше половины колеблющихся и убежденно неверующих подчеркивают незначимость религиозной принадлежности брачного партнера, однако одна треть самоидентифицирующихся как неверующие при заключении собственного брака обозначают ее важность. Кроме того, можно отметить, что возможность заключения брачного союза с последователем другой религии допускает одна треть горожан против каждого второго опрошенного по всему массиву, что свидетельствует об изменении отношения

к межрелигиозному браку. Однако данный вывод страдает недостатком – так, при непосредственном возникновении межличностного контакта в латентной форме имеют место проявление религиозной интолерантности, демонстративное отчуждение от иноверца, более того, такие тенденции можно наблюдать и в отношении мусульман-шиитов, не говоря о носителях салафитской идеологии. Также нельзя упускать из виду существование в массовом сознании пренебрежительного отношения к межрелигиозному браку, особенно если в таком союзе находится женщина, что является проявлением нетерпимости. В подгруппе респондентов, придерживающихся обрядовой религиозности, заметно выражены установки этнической толерантности как ориентированности принять представителя другой этноконфессиональной группы в разных социальных сферах, но за исключением семейно-брачной области. Такие установки в массовом сознании формируют культуру доверия, которая способна сыграть ключевую роль в сохранении стабильности и позитивного межнационального климата.

Примечания:

1. Адаты Келебских селений // Законы вольных обществ в XVII-XIX вв.: архивные материалы / сост., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: Эпоха, 2007. 300 с.
2. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. / отв. ред. А.И. Першиц. Москва: Наука, 1985. 360 с.
3. Описание Самурского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. / сост. Х.-М. Хашаев. Москва: Наука, 1965. 279 с.
4. Отзывы Табасаранских беков о раятских повинностях // Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: архивные материалы / сост. Х.-М. Хашаев. Москва: Наука, 1969. 396 с.
5. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. 436 с.
6. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860.
7. Гаджиева С.Ш. Указ. соч.
8. Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: равнинный Дагестан. Махачкала: Дагкниздат, 1989. 112 с.
9. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробижина. Москва: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
10. Загирова Э.М. Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // The Caucasus and the World. 2015. № 20. С. 158-165.

11. Загирова Э.М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 298-303.

12. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва, 2013. 485 с.

13. Исламские новости // Наука и религия. 2006. № 7.

14. Фетва ДУМ РФ о межконфессиональных браках. URL: <https://umma.ru/fetva-dum-rf-o-mezhkonfessionalnih-brakah/> (дата обращения: 5.02.2021).

15. Мракобесие от отчаяния: о чем говорит фетва, запрещающая женитьбу на иноверцах. URL: <https://newizv.ru/article/general/17-11-2020/mrakobesie-ot-otchayaniya-o-chem-govorit-fetva-zapreschayuschaya-zhenitbu-na-inovertsah> (дата обращения: 5.02.2021).

References:

1. Adats of Keleb villages // Laws of free societies in the 17th – 19th centuries: archival materials / comp., notes by Kh.-M. Khashaev; executive ed. by G.-A. Daniyalov. Makhachkala: Epoch, 2007. 300 pp.

2. Gadzhieva S.Sh. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries / executive ed. by A.I. Pershits. Moscow: Nauka, 1985. 360 pp.

3. Description of the Samur district // Monuments of the customary law of Dagestan of the 17th – 19th centuries / comp. by Kh.M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1965. 279 pp.

4. Reviews of Tabasaran beks about rayat duties // Feudal relations in Dagestan. 19th – early 20th century: archival materials / comp. by Kh.M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1969. 396 pp.

5. Gadzhieva S.Sh. Kumyks: historical past, culture, everyday life. Book 2. Makhachkala: Dagestan publishing house, 2005. 436 pp.

6. Przhetslavsky P. Morals and customs in Dagestan // Military collection. 1860.

7. Gadzhieva S.Sh. The mentioned work.

8. Alimova B.M. Marriage and wedding customs in the past and in the present: lowland Dagestan. Makhachkala: Dagknizdat, 1989. 112 pp.

9. Sociology of interethnic tolerance / executive ed. by L.M. Drobizhev. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the RAS, 2003. 222 pp.

10. Zagirova E.M. Traditional family: theoretical aspects of sociological research // The Caucasus and the World. 2015. No. 20. P. 158-165.

11. Zagirova E.M. Traditions and innovations in the institutional space of Dagestan family // Bulletin of Saratov University. New series. Ser.: Sociology. Political science. 2017. Vol. 17, No. 3. P. 298-303.

12. Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / project management and executive ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, 2013. 485 pp.

13. Islamic News // Science and religion. 2006. No. 7.

14. Fatwa of the DUM RF on interfaith marriages. URL: <https://umma.ru/fetva-dum-rf-o-mezhkonfessionalnih-brakah/> (date of access: 5.02.2021).

15. Obscurantism due to despair: what the fatwa says, prohibiting marriage to the Gentiles. URL: <https://newizv.ru/article/general/17-11-2020/mrakobesie-ot-otchayaniya-o-chem-govorit-fetva-zapreschayuschaya-zhenitbu-na-inovertsah> (date of access: 5.02.2021).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 28.04.2021; принята к публикации 05.05.2021.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 21.01.2021; approved after reviewing 15.04.2021; accepted for publication 05.05.2021.

© М.М. Шахбанова, М.Б. Гимбатова, 2021